

«НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР»

abdelgauad moustafa

18+

Мустафа Абдельгауад

Нулевой километр

«Автор»

2026

Абдельгауад М.

Нулевой километр / М. Абдельгауад — «Автор», 2026

Старый автобус «Ласточка» должен был стать чужой сделкой и ещё одной потерей, о которой никто не хочет говорить. Но когда Соня узнаёт, что её имя оказалось в документах без её согласия, она решает остановить продажу — не потому, что верит в счастливое возвращение прошлого, а потому, что больше не позволит решать за себя. Вокруг автобуса собираются люди, каждому из которых есть что скрывать и что терять: водитель Григорий, привыкший молчать о своих ошибках; Вера, пытающаяся научиться не превращать чужую боль в историю; Виктор, который слишком долго считал, что деньги могут заменить право быть рядом; и Люся, чья память рассыпается на обрывки, но всё ещё хранит важные мелочи. «Нулевой километр» — роман о дороге, которую нельзя пройти в одиночку. О границах, доверии, памяти и праве остановиться, прежде чем сделать следующий шаг.

© Абдельгауад М., 2026

© Автор, 2026

Мустафа Абдельгауд

Нулевой километр

НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР

роман

abdelgauad moustafa

Полное издание

Главы 1–16

Псков — Астрахань

ЧАСТЬ I

Груз без адреса

Глава 1. Груз, который не говорит

Снег в Пскове лежал не белый, а серый, будто город уже успел прожить на нём целую зиму и теперь не хотел признавать, что это всё ещё снег. Григорий Баранов выехал из промзоны на эвакуаторе в пять сорок, когда фонари ещё горели, а люди, которые работают днём, только начинали думать, что пора вставать.

На тресе позади него качался старый синий автобус. На боку сквозь ржавчину угадывалась надпись «ЛАСТОЧКА», но буква «О» почти съехала вниз, будто сама устала держаться на металле. Автобус не ехал — его везли. И Григорию нравилась эта разница. Когда вещь не едет сама, за неё можно отвечать спокойно: закрепить, проверить, довезти, сдать. Никаких разговоров по дороге.

У перекрёстка дорогая машина подрезала его и остановилась поперёк полосы. Из неё вышел мужчина в пуховике, слишком чистом для этой дороги, и замахал руками.

— Эй! Ты мне зеркало снёс!

Григорий включил аварийку, вышел и посмотрел на зеркало. Оно висело криво, но было целым. Мужчина держался за него с таким видом, словно от этого зависела судьба семьи.

— Нет, — сказал Григорий.

— Что значит «нет»? Оно криво!

— Оно было криво до меня.

— Ты откуда знаешь?

Григорий посмотрел на белую полосу старой грязи под креплением.

— По прямому только езжу. Кривое замечаю заранее.

Мужчина открыл рот, но Григорий уже сел обратно. Он не любил спорить с людьми, которые хотели выиграть разговор вместо того, чтобы понять, что случилось. За его спиной автобус тихо скрипнул на тресе.

— Я тоже так думаю, — сказал Григорий, не оборачиваясь.

В кабинете перевозчика пахло растворимым кофе, мокрыми куртками и бумагой. Работодатель, Виктор Степанович, сидел за столом, засыпанным накладными. Его пальцы были жёлтые от табака, хотя на двери висела табличка «НЕ КУРИТЬ».

— Хорошо, что ты рано, Гриша, — сказал он. — Заказ простой. Псков — Астрахань. Автобус на разбор. Без остановок, кроме топлива. Владелица умерла, наследники продали. Покупатель ждёт металл.

— Кто наследники?

Виктор Степанович поднял глаза.

— Тебе зачем?

— Чтобы знать, кто потом скажет, что я не туда довёз.

— Никто не скажет. Всё подписано.

Он протянул папку. Григорий не взял её сразу.

— Ключи есть?

— Он не едет.

— Я спросил про ключи.

Работодатель раздражённо щёлкнул ящиком стола.

— В бардачке. Зачем тебе?

— Чтобы знать, что он не поедет сам.

Виктор Степанович усмехнулся, будто Григорий сказал что-то смешное.

— Любишь ты порядок.

— Порядок меня хотя бы не перебивает.

Он пролистал договор. Григорий читал медленно, не потому, что не понимал слова, а потому, что понимал, как слова умеют менять смысл, если пробежать их глазами. Срок доставки. Стоимость. Ответственность за повреждение. Штраф за срыв. Внизу мелким шрифтом — согласие на изменение маршрута по распоряжению заказчика.

— Это что? — спросил он.

— Обычная строчка.

— Кто может распоряжаться?

— Я. Покупатель. Диспетчер. Не переживай, никто не заставит тебя ехать в Якутию.

Григорий закрыл папку.

— Если маршрут меняется, звонишь мне. Не пишешь в чат.

— Как всегда.

— И если автобус где-то оставляю, фиксирую место.

— Как всегда.

Виктор Степанович потянулся за второй папкой.

— Ещё одно. С тобой поедет пассажир.

Григорий не сразу понял услышанное.

— Нет.

— Будет. За неё доплата.

— В кабине место для меня и аптечки.

— Аптечка молчит. Она — нет.

Дверь открылась раньше, чем Григорий успел ответить. В кабинет вошла женщина в ярком жёлтом пальто, с чехлом для микрофона через плечо и телефоном, который она держала так, будто он только что сообщил ей важную новость. Волосы у неё были собраны небрежно, но лицо — слишком собранное для такой одежды.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я Вера. Я по поводу дороги, рекламы, оплаты и того, чтобы меня не оставили на заправке в Твери.

Григорий посмотрел на Виктора Степановича.

— Астрахань в другую сторону.

— Это был пример, — ответила Вера. — Я работаю с примерами.

Работодатель довольно откинулся в кресле.

— Вера снимет короткий ролик для компании. Про доставку с историей. Автобус старый, картинка хорошая. Ей нужно место в кабине.

— У меня в кабине место для меня и аптечки, — повторил Григорий.

— Я компактнее аптечки, — сказала Вера. — И говорю интереснее.

Григорий посмотрел на неё. Вера выдержала взгляд, но улыбка у неё появилась чуть позже, чем должна была. Он заметил это. Улыбки, которые приходят с задержкой, обычно что-то прикрывают.

— Сколько доплата? — спросил он.

Виктор Степанович назвал сумму.

Григорий снова посмотрел на Веру.

— Аптечка остаётся.

— Я не претендую, — сказала она. — У меня есть термос, но он не занимает много места.

— Если прольёшь — сама сушишь сиденье.

— Вот это уже похоже на договор.

Он подписал бумаги. Когда они вышли на стоянку, Вера остановилась у «Ласточки» и медленно обошла автобус. Она не доставала камеру сразу. Сначала провела рукой над ржавой надписью, не касаясь металла.

— Красивый, — сказала она.

— Ржавый.

— Ржавчина — это старость с цветом.

— Это железо, которое сдалось.

Вера посмотрела на него внимательнее.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Когда еду — меньше.

— Отлично. Я умею заполнять тишину.

— Не надо.

Она достала телефон и всё-таки включила камеру.

— Перед вами легендарная «Ласточка», — произнесла она мягким, уверенным голосом. — Она проехала тысячи километров, пережила свадьбы, выборы, три ремонта и, судя по запаху, один особенно трудный майонез.

Григорий подтянул трос.

— Не называй его легендарным.

Вера опустила телефон.

— Почему?

— Потому что в легендах обычно никто не проверяет левое колесо.

— А ты проверяешь?

— Я проверяю всё, что потом может упасть на дорогу.

Она помолчала. Потом выключила камеру.

— Ладно. Без легенды. Что сказать?

Григорий удивился вопросу. Обычно люди не спрашивали, как называть вещи. Они просто называли так, как им выгодно.

— Скажи: автобус на буксире. Старый. Едет на разбор.

— Это очень грустно.

— Это точно.

Вера смотрела на автобус ещё несколько секунд.

— Точность не всегда делает меньше грустно.

Он не ответил. Ему не понравилось, что она сказала это без шутки.

В кабине она села осторожно, поставила термос между сиденьями и пристегнулась. Григорий заметил, что пальцы у неё дрожат, хотя она пыталась спрятать руки под рукавами.

— Ты боишься дороги? — спросил он, прежде чем успел решить, что это не его дело.

Вера улыбнулась той самой запоздалой улыбкой.

— Я боюсь стоять на месте. Это считается?

— Нет.

— Тогда не знаю.

Григорий завёл двигатель. За лобовым стеклом серый Псков медленно уходил назад: шиномонтаж, гаражи, киоск с закрытыми ставнями, мужчина с собакой в оранжевом жилете. «Ласточка» качнулась на тресе.

Вера потянулась к телефону.

— Музыка?

— Нет.

— А если я скажу, что это важная часть творческого процесса?

— Скажи после Астрахани.

— Ты не любишь людей?

Григорий посмотрел на пустую трассу.

— Люблю. По отдельности. Недолго.

Вера тихо засмеялась. Не так громко, как в кабинете, и он вдруг понял, что она умеет смеяться без зрителей.

— Тогда интервью, — сказала она. — Вопрос первый: что вы чувствуете, перевозя автобус в последний путь?

— Что у него плохо закреплено левое колесо.

— Это не чувство.

— Другого нет.

Она хотела ответить, но из-за спины донёсся сухой металлический стук. Григорий выключил радио, которого и так не было, нажал тормоз и почувствовал, как натянулся трос.

— Что? — спросила Вера.

— Сидишь.

— Я и так сажу.

— Тогда не выходишь, пока не скажу.

Он остановил эвакуатор на широком участке обочины. Ветер шёл по полям ровно, без препятствий. Позади них «Ласточка» медленно успокаивалась на тресе, будто тяжело дышала.

Григорий взял перчатки, фонарь и ключ от бардачка, который ещё не успел положить в ящик. Уже закрывая дверь, он услышал, как Вера тихо сказала:

— Я не буду мешать.

Он обернулся.

— Не обещай того, чего не знаешь.

Она смотрела на него спокойно.

— Хорошо. Тогда я постараюсь не мешать.

Григорий кивнул. Это было не согласие и не доверие. Просто первая точная фраза между ними.

Он пошёл к автобусу, а Вера осталась в кабине. Через стекло она смотрела, как он проверяет трос, колёса, крепления, как наклоняется к ржавому боку «Ласточки» так, будто разговаривает с ней на языке железа. Потом она всё-таки открыла дверь, взяла из чехла микрофон — и тут же положила обратно.

Пока что дорога не просила у неё голоса.

Григорий обошёл автобус дважды. На второй круг Вера всё-таки вышла, но остановилась у заднего бампера, оставив между собой и тросом несколько метров.

— Я сказала, не мешать, — напомнила она.

— Ты сказала, постараешься.

— Вот. Я стою и стараюсь.

Он осветил фонарём под днище. Из-под пола капала вода. Не ручьём, но с ровной настойчивостью, от которой у Григория сразу испортилось настроение. Вода на буксируемом автобусе могла означать старую систему охлаждения, дырявую трубу, растаявший снег, чужую бутылку. Пока не посмотришь, это всегда означало всё сразу.

— Что там? — спросила Вера.

— Вода.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она выдохнула, но не ответила резко.

— Потому что я не знаю, опасно ли.

Григорий поднял на неё глаза. Обычно люди задавали такие вопросы с требованием: успокой меня. Вера спросила иначе — будто хотела понять, где заканчивается её любопытство и начинается его работа.

— Пока не знаю, — сказал он. — Если течёт из системы, надо смотреть. Если из салона, хуже для пола, не для дороги.

— А если автобус развалится?

— Он не развалится. Я его не так закрепил.

— Это звучит почти как «не волнуйся».

— Нет. Это звучит как «я проверил».

Вера кивнула. Её лицо стало серьёзнее.

— Хорошая разница.

Он опустился на колено у технического люка. Металл держался на двух старых защёлках, одна была замотана изолентой. Григорий достал отвёртку, но защёлка не поддавалась.

— Ключи из бардачка? — спросила Вера.

— Для дверей, не для этого.

— Может, я подержу фонарь?

— Не надо.

Вера уже сделала шаг назад, когда он добавил:

— Подержи. Только не светить мне в глаза.

Она взяла фонарь обеими руками. Свет лег на люк ровно, почти неподвижно. Григорий заметил, что она не задаёт больше вопросов. Просто стоит, чуть наклонившись, и молчит. Тишина у неё была другой, чем у него. Его тишина закрывала дверь. Её, похоже, оставляла дверь открытой, хотя она сама не знала, что делать дальше.

Защёлка отскочила. Люк приоткрылся, но внутри было темно и пахло мокрой древесиной. Григорий посветил глубже. Он увидел несколько гнилых досок, старую проводку, узкую полосу ржавчины. Ничего, что требовало немедленно снимать автобус с троса.

— Ну? — спросила Вера.

— Пол мокрый. Поедем медленнее.

— И всё?

— А ты ждала тайный подземный ход?

— Не знаю. У меня работа такая: надеяться, что в обычной вещи есть что-то ещё.

Григорий закрыл люк.

— У обычной вещи обычно есть плесень, проводка и незакрытая страховка.

— Ты очень умеешь разрушать надежду.

— Это не моя работа.

— А какая твоя?

Он вытер руки о ветошь и посмотрел на эвакуатор, на автобус, на прямую полосу шоссе, которая исчезала в сером воздухе.

— Довезти то, что мне отдали. Не потерять. Не сломать больше, чем уже сломано.

Вера опустила фонарь.

— А если тебе отдали не вещь?

Григорий посмотрел на неё.

— Тогда кто-то плохо заполнил накладную.

Она улыбнулась, но не стала спорить. Вместо этого подошла к двери эвакуатора и остановилась.

— Можно я всё-таки договорюсь с тобой о правилах?

— У нас уже есть правила.

— У тебя есть правила. Я хочу знать, какие из них касаются меня.

Он вздохнул. Разговоры о правилах обычно начинались с того, что кто-то хотел нарушить их красиво. Но Вера стояла с фонарём в руках и ждала.

— Не отвлекаешь, когда я веду. Не выходишь к автобусу без меня. Не снимаешь людей, если встретим. Не трогаешь бумаги, вещи и всё, что не твоё.

— А я могу задавать вопросы?

— Можешь. Не обещаю отвечать.

— Хорошо. Мои правила: ты не называешь меня «девушка» и не принимаешь решение оставить меня где-нибудь без разговора.

— Я бы не оставил.

— Ты так говоришь, потому что я сейчас рядом.

Он хотел возразить, но понял, что не может объяснить, почему она не права. С чужими людьми он всегда выбирал самое короткое решение. Иногда короткое означало честное. Иногда — просто удобное.

— Не оставлю без разговора, — сказал он.

Вера протянула ему руку. Григорий посмотрел на её перчатку, потом коротко пожал.

— Договорились?

— До Астрахани, — сказал он.

— Это и есть договор.

Они сели в кабину. Вера не включила музыку. Через несколько километров она достала блокнот и начала писать от руки, медленно, без камеры. Григорий видел это боковым зрением.

— Что записываешь?

— Ничего для ролика.

— А для чего?

Она подумала.

— Чтобы не забыть, что ты сказал про накладную.

— Я много сказал?

— Не очень. Но у тебя каждое слово как гайка. Если потерять, потом непонятно, чего не хватает.

Григорий хотел сказать, что это глупое сравнение. Вместо этого проверил зеркало. В нём «Ласточка» ехала точно по центру полосы, на расстоянии, которое можно было удержать.

К полудню они остановились у маленького магазина на трассе. Григорий купил воду, хлеб и упаковку дешёвого сыра. Вера вышла с кофе и двумя булочками.

— Я думала, мы едим вместе, — сказала она.

— Мы не договаривались.

— Это не просьба о браке. Просто у тебя хлеб, у меня булочки.

Он посмотрел на её бумажный пакет.

— У меня сыр.

— Значит, у нас почти обед.

Они ели, стоя у эвакуатора. За спиной у них автобус тихо покачивался от ветра. Вера не снимала, не задавала вопросов, не пыталась сделать из этой остановки сцену. Григорий заметил это и почему-то почувствовал, что обязан сказать что-то взамен.

— Ты почему взялась за этот ролик?

Вера откусила булочку и слишком долго жевала.

— Деньги нужны.

— Всем нужны.

— Тогда потому что я умею говорить. Иногда это единственное, за что мне платят.

— Хорошо говоришь?

— Раньше думала, что да.

Он посмотрел на неё. Она не стала объяснять. Григорий не спросил. Впереди была дорога, позади — автобус, а между ними впервые появилось не только соглашение о правилах, но и незаданная вещь, которую оба заметили.

Когда они снова тронулись, стук сзади вернулся. На этот раз он был громче.

Григорий выключил двигатель у следующей обочины.

— Сидишь, — сказал он.

Вера посмотрела на него.

— Это приказ?

— Это пока вопрос безопасности.

Она кивнула.

Григорий вышел к «Ласточке», уже зная, что мокрый пол придётся открыть глубже. Ветер бил ему в лицо. За стеклом Вера смотрела на него, не включая телефон. На дороге не было никого, кто мог бы сказать, что именно они нашли под старым автобусом.

Но Григорий вдруг понял: если находка будет, он уже не сможет сделать вид, что ехал один.

Он снова поднял фонарь. Вера стояла у кабины, как обещала, но не отворачивалась. Дорога между ними была короткой — несколько шагов по мокрому асфальту, — и всё же раньше ему казалось, что именно на таких расстояниях начинаются самые ненужные разговоры.

— Вера, — сказал он.

Она сразу подошла на полшага, потом остановилась.

— Да?

— Если я скажу «стой», ты стоишь. Не потому, что я главный. Потому что я вижу то, чего ты пока не видишь.

Она кивнула.

— А если я скажу «подожди», ты тоже подождёшь?

Григорий хотел спросить, что именно она может увидеть такого, чего не увидит он. Но вместо этого посмотрел на коробку в кабине, на её чехол с микрофоном, на автобус, который молча тянул за собой чужой вес.

— Попробую, — сказал он.

Вера улыбнулась не сразу. Но на этот раз в улыбке не было защиты.

— Для первого дня это почти много.

Григорий выключил фонарь. До следующей заправки было семьдесят километров. Он знал это точно. Остальное пока не поддавалось счёту.

На следующей заправке Вера не вышла сразу. Она сидела в кабине и смотрела на чехол с микрофоном. Григорий заметил, что она держит его так, словно тот стал тяжелее.

— Не снимаешь? — спросил он.

— Не знаю, что снимать. У тебя очень длинная дорога и очень короткие ответы.

— Хороший ролик получится.

Вера усмехнулась.

— Ты шутишь?

— Нет. Но это было похоже на шутку.

Она открыла чехол, вынула микрофон и положила его на приборную панель. Не включила.

— Я могу записать только звук дороги, — сказала она. — Без тебя. Без автобуса. Просто чтобы потом не забыть, как всё началось.

Григорий подумал. Шум двигателя, ветер в зеркалах, редкий гул проезжающих машин — всё это не было его. И всё же дорога могла принадлежать всем, кто по ней ехал.

— Записывай, — сказал он. — Только не называй это историей.

— А чем?

— Шумом.

Вера нажала кнопку. Несколько минут они сидели молча, пока в микрофон попадали двигатель, щелчок поворотника, далёкий грузовик, пластмассовая крышка термоса. Потом она выключила запись.

— Сорок секунд, — сказала она.

— И что там?

— Ничего особенного.

Григорий кивнул.

— Хорошо.

Вера посмотрела на него внимательнее.

— Ты правда так думаешь?

— Особенное обычно появляется, когда люди пытаются сделать вид, что его нет.

Она убрала микрофон в чехол. На этот раз его молчание не казалось ей отказом. Оно стало частью договорённости: не всё нужно превращать в слова, чтобы заметить, что это произошло.

Глава 2. Коробка под полом

Второй раз Григорий остановился уже не потому, что услышал стук. Он остановился потому, что стук исчез.

Тишина за эвакуатором была хуже. Пока железо жалуется, оно хотя бы сообщает, где искать. Когда оно перестаёт, остаётся только ждать, что скажет дорога дальше.

Он поставил машину на широкую обочину у редких берёз. Поля с обеих сторон уходили в белёсую даль, снег лежал пятнами, а ветер шевелил сухую траву так, будто под ней что-то маленькое пыталось выбраться наружу. «Ласточка» стояла за эвакуатором, наклонившись чуть вправо. Вода больше не капала. Это не успокаивало.

— Можно я выйду? — спросила Вера.

Григорий уже хотел сказать «нет». Потом вспомнил их договор.

— Можно. Но стоишь у кабины. И не трогаешь ничего без спроса.

— Я удивлена, что ты не добавил «и не дышишь».

— Если будешь дышать в трос, вернёшься в кабину.

Она вышла, запахнула жёлтое пальто и остановилась там, где он показал. Григорий открыл технический люк шире. Под верхними досками виднелась влажная земля, старый утеплитель, провода, которые давно должны были заменить. Он поддел край ближайшей доски отвёрткой. Дерево не выдержало и отломилось с сухим треском.

Что-то металлическое глухо ударилось о пол.

Вера подняла голову.

— Это что?

— Не знаю.

— Ты сейчас почти взволнован.

— Я сейчас почти зол. Разница есть.

Под доской лежала жестяная коробка, обмотанная потемневшей верёвкой. Она была размером с обувную коробку, но тяжёлая на вид. На крышке не было ни замка, ни подписи. Только

коричневые пятна от влаги и один след детской наклейки: крыло ласточки, от которого осталась синяя дуга.

— Не трогай, — сказал Григорий.

— Я не трогаю.

— Ты уже наклонилась.

— Я глазами трогаю.

Он надел другие перчатки, осторожно вытащил коробку и поставил её на асфальт рядом с собой. Верёвка развалилась от одного движения. Крышка приподнялась сама, будто коробка долго ждала не человека, а воздуха.

Внутри лежали фотографии, несколько сложенных писем, кассета в прозрачном футляре, открытки с городами и тонкая тетрадь в клетку. На верхней фотографии молодая женщина в красном платье стояла у «Ласточки». Вокруг неё были дети с шарами, а на заднем плане — растянутая тканевая растяжка: «КЛУБ В ПУТИ».

Вера медленно присела на корточки, но рук не протянула.

— Можно посмотреть?

Григорий не ответил сразу. Он видел, что ветер может унести листы, что вода уже повредила углы фото, что коробку нужно убрать в сухое место. Но Вера спросила. Не сделала вид, будто ответ очевиден.

— Фотографии — можно. Письма — нет.

— Почему фотографии можно?

— Потому что они лежат сверху.

— Это не моральный принцип.

— Это принцип, который у нас есть.

Вера кивнула.

— Хорошо.

Она взяла первую фотографию двумя пальцами за края. На обратной стороне было написано фиолетовыми чернилами: «Люся. Ржев. День города. 1998». Вера не читала вслух, просто показала надпись Григорию.

— Люся, — сказала она. — Значит, она была хозяйкой автобуса?

— Не значит.

— Руководительницей клуба, может быть.

— Может быть.

— Ты всегда оставляешь себе только слово «может быть»?

— Пока не знаю — да.

Вера посмотрела на кассету.

— А это можно?

— Нет.

— Ты же не знаешь, что на ней.

— Именно.

Она выдохнула, но не обиделась. Вместо этого начала раскладывать фотографии на капоте эвакуатора, чтобы ветер не унес. Григорий хотел остановить её, потом увидел, что она делает это аккуратно. На одной фотографии «Ласточка» стояла у школы. На другой — возле магазина, где женщины в пальто смеялись, держа стаканы с чаем. На третьей — мальчик в костюме зайца сидел у автобусной двери и смотрел в камеру с таким лицом, будто его только что обманули.

— Она ездила по городам, — сказала Вера. — С концертами, праздниками.

— Или с арендой на свадьбы.

— Тебе обязательно всё обесценить?

— Я не обесцениваю. Я пытаюсь понять, почему оно лежало под полом.

Вера замолчала. Это был хороший вопрос. Весёлые фотографии и спрятанная коробка не соединялись в одну простую историю.

Порыв ветра перевернул один из листов. Письмо выскользнуло из стопки и упало на асфальт раскрытым. Григорий наклонился, но Вера оказалась быстрее. Она подняла лист, не успев не увидеть первую строчку.

Её лицо изменилось.

— Что? — спросил он.

— Я не хотела читать.

— Тогда не читай.

— Там уже видно.

Она держала письмо так, будто оно обжигало пальцы.

— Прочитай мне только имя, — сказал Григорий.

Вера посмотрела на первую строчку.

— «Соня».

— Дальше не надо.

Она кивнула. Но ветер снова толкнул лист, и несколько слов оказались между ними, слишком отчётливые, чтобы сделать вид, будто их нет: «Я не ушла. Меня попросили исчезнуть».

Григорий протянул руку.

— Дай.

Вера отдала письмо сразу. Он сложил его вчетверо, не перечитывая, и положил обратно в коробку. Его пальцы были спокойными. Внутри было не спокойно.

— «Попросили исчезнуть» — это не про автобус, — сказала Вера.

— Про автобус тоже может быть не про автобус.

— Ты понимаешь, что сказал?

— Да. Что мы не знаем.

Вера посмотрела на него так, будто хотела бросить что-то резкое, но удержалась.

— Если Соня жива, она может двадцать лет ждать ответа.

— Или двадцать лет не хотеть, чтобы ей звонили из машины на трассе.

Эта фраза ударила точнее, чем он рассчитывал. Вера отвела взгляд.

— Ты думаешь, я не понимаю границы?

— Я думаю, ты любишь открывать двери.

— А ты любишь держать их закрытыми.

— Иногда дверь закрыта не для того, чтобы мешать.

— А иногда — чтобы никого не услышать.

Они стояли по разные стороны коробки. Ветер трепал фотографии, и Григорий вдруг почувствовал нелепость их спора: два чужих человека на обочине решали, кто имеет право на письмо, которое не адресовано ни одному из них.

— Уберём всё в кабину, — сказал он. — Потом поедem. В кафе посмотрим адреса на открытках. Только адреса.

Вера прищурилась.

— Это уступка?

— Это сухое место.

— Хорошо. Тогда сухое место с адресами.

Он не улыбнулся, но не запретил ей говорить.

В кабине коробка заняла место между аптечкой и термосом. Григорий закрепил её ремнём так же, как крепил канистру с инструментами. Вера заметила.

— Ты пристегнул письма.

— Я пристегнул коробку. При торможении она улетит тебе в ноги.

— Конечно.

Через двадцать минут они остановились у придорожного кафе с красной вывеской «У РАИСЫ». Внутри было тепло, пахло жареным луком и старым линолеумом. За дальним столом сидели дальнбойщики, не глядя на них. Григорий заказал суп и чай. Вера поставила коробку на свободный стул между ними.

— Адреса, — напомнил он.

— Только адреса.

Она достала открытки. Псков, Тверь, Ржев, Волгоград, Астрахань. На обороте некоторых были даты, на других — короткие фразы: «Соня, здесь тепло», «Артёму понравился клоун», «Марина, не забудь документы». Вера не читала письма, но эти открытки будто сами просили сложиться в маршрут.

— Смотри, — сказала она. — Это не случайные города. Они ехали почти так же, как мы.

— Почти не значит так же.

— Но автобус уже был в Астрахани.

— Много автобусов были в Астрахани.

— Ты боишься, что если мы признаем историю, придётся что-то делать?

Григорий поднял взгляд от супа.

— Я боюсь, что ты признаешь историю раньше, чем появятся люди, которые смогут сказать, правда ли она.

Вера медленно убрала открытку.

— А если людей уже нет?

Он не ответил. У него был брат, с которым он не разговаривал девять лет. Брат был жив, но это не делало разговор возможным. Иногда человек существует в мире так же далеко, как адрес без дома.

Вера посмотрела на коробку.

— Я могу хотя бы сфотографировать письма для сохранности? Не выкладывать. Просто чтобы не пропали.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сказала «не выкладывать» так, будто это должно меня успокоить. А я тебя пока не знаю.

Она застыла. Потом кивнула.

— Честно.

— Это не комплимент.

— Я знаю. Но честно.

К ним подошла официантка с чайником.

— Вы музейщики? — спросила она, глядя на старые открытки.

— Нет, — одновременно сказали Вера и Григорий.

Официантка пожала плечами.

— Жаль. Тут раньше клуб на автобусе приезжал. Детям кино показывали. Люся вроде звали женщину. У меня брат на гармошке играл, пока не уехал.

Вера посмотрела на Григория, но не схватилась за телефон.

— Вы помните, куда они ездили? — спросила она.

— Куда платили, туда и ездили. Потом перестали. Шум был какой-то. Я маленькая была.

— А Соню знаете? — спросила Вера и сразу осеклась, будто поняла, что пошла дальше, чем обещала.

Официантка покачала головой.

— Не. Люся была громкая, а дочери её никто не видел. Может, и не было никакой дочери.

Григорий закрыл коробку.

— Спасибо.

Когда официантка ушла, Вера тихо сказала:

— Вот. Даже тут кто-то помнит.

— Помнит, что не помнит.

— Это тоже след.

Он посмотрел на неё. Вера не спорила ради победы. Она действительно думала, что следы важны. И в этом было что-то опасное, но не пустое.

На улице уже темнело. Григорий проверил трос, снова осмотрел люк и увидел, что вода почти перестала течь. Проблема была не срочной. Коробка, однако, стала срочной, хотя ни один болт на ней не был ослаблен.

Вера села в кабину и сказала:

— Я не буду звонить никому без тебя.

— Я не просил обещаний.

— Это не обещание. Это правило, которое я выбираю.

Григорий завёл двигатель.

— До следующей заправки.

— До следующей заправки, — согласилась она.

«Ласточка» тронулась вслед за ними. На тросе она казалась тяжёлой, но Григорий уже не мог назвать её просто грузом. Не потому, что Вера убедила его. Потому, что в коробке лежало письмо, которое ветер успел открыть вместо них.

Ночью, когда фары эвакуатора выхватывали из темноты только мокрую разметку, Вера вдруг сказала:

— Я сорвала свадьбу.

Григорий посмотрел на неё, не поворачивая головы.

— Это признание или предупреждение?

— Не знаю. Наверное, объяснение, почему я так лезу в чужие истории.

Он ждал продолжения. Вера держала руки на коленях и смотрела вперёд.

— Жених ушёл перед регистрацией. Просто вышел из комнаты и не вернулся. Невеста плакала, родители кричали, гости стояли с бокалами. А я взяла микрофон и начала говорить. Шутила. Объясняла. Заполняла тишину. Думала, если не будет паузы, никто не заметит, что произошло.

— И?

— Все заметили. Только мне потом сказали, что я сделала ещё хуже. Потому что никто не просил меня говорить за них.

Григорий кивнул. Он не умел сочувствовать длинными фразами, но понимал эту ошибку. Нельзя закрепить чужую жизнь тросом и решить, что дальше она не качнётся.

— Поэтому ты снимаешь ролики? — спросил он.

— Поэтому я думаю, что если поставить камеру правильно, можно сделать беспорядок понятнее. А потом вспоминаю ту свадьбу и понимаю: понятнее кому?

— Камера не спрашивает.

— Камера — нет. Человек с камерой должен.

Он чуть сильнее сжал руль. Вера говорила так, будто репетировала новые правила для себя прямо в дороге.

— Если ты когда-нибудь скажешь, что я снова говорю за тебя, — добавила она, — скажи сразу.

— Я не люблю говорить сразу.

— Я заметила.

— Но попробую.

Она повернулась к нему. В темноте её лицо было только светлым отражением приборной панели.

— Это тоже почти забота?

— Не привыкай.

Вера тихо рассмеялась. Потом раскрыла блокнот, но ничего не записала. Просто положила ручку между страницами.

Через некоторое время она спросила:

— Ты никогда не хотел узнать, что в письмах?

— Хотел.

— Тогда почему запрещаешь?

— Потому что хотеть — не значит иметь право.

Она замолчала. Потом сказала:

— Хорошо. Тогда завтра мы спросим себя ещё раз. Не «можем ли», а «зачем».

Григорий не ответил. За спиной у них «Ласточка» тянулась по трассе, и коробка с письмами была закреплена между аптечкой и термосом. В темноте это выглядело почти смешно: чужая жизнь, пристёгнутая ремнём безопасности. Но Григорий знал, что без ремня при резком торможении коробка полетит вперёд. Иногда самое простое действие не решает судьбу вещи. Оно только не даёт ей разбиться раньше времени.

Перед рассветом Вера всё-таки достала карту. Не электронную, а бумажную, помятую, с отмеченными фломастером городами. Она купила её на заправке, пока Григорий платил за кофе.

— Это зачем? — спросил он.

— Чтобы не смотреть всё время в телефон. Телефон предлагает самый быстрый путь, а я хочу видеть, где мы были.

— Мы были на трассе.

— На трассе между Псковом и Тверью. Между Тверью и Волгоградом. У этого есть разница.

Она разложила карту на коленях и маленькими точками отметила Псков, придорожное кафе, заправку. Потом остановилась, не решаясь ставить точку у Волгограда.

— Саид — это не гарантия, — сказал Григорий.

— Я знаю. Я не рисую финиш. Я рисую места, где мы остановились.

Он смотрел на карту. Ему не нравились бумажные карты: они быстро рвались, прятали масштаб, заставляли человека спорить с дорогой. Но в этих точках было что-то честное. Ни одна не обещала, что дальше будет понятно.

— Поставь ещё знак у кафе, — сказал он.

— Зачем?

— Там женщина помнила клуб. Может, не пригодится. Но если потом окажется, что мы перепутали города, будем знать, откуда начали.

Вера подняла на него глаза.

— Ты сейчас создаёшь маршрут расследования?

— Я создаю порядок в вещах.

— Это почти одно и то же.

— Не привыкай.

Она поставила маленькую точку и рядом написала: «Раиса. Помнит Люсю, но не Соню». Потом подождала.

— Можно так? — спросила она.

— Что?

— Я не записываю это как факт. Я записываю, как она сказала.

Григорий кивнул.

— Так лучше.

Вера сложила карту аккуратно, но не убрала. Она положила её в бардачок рядом с ключами, а коробка с письмами осталась пристёгнутой между сиденьями. Дорога начала светлеть. Впереди была следующая остановка, и теперь у неё появилось не направление, а память о том, как они до него дошли.

На стоянке у дорожного магазина Григорий заметил, что коробка с письмами съехала на несколько сантиметров. Ремень держал её, но угол касался аптечки. Он остановился, чтобы поправить крепление.

— Ты проверяешь её чаще, чем трос, — сказала Вера.

— Трос металлический. Он не промокает от чужих слов.

Вера задумалась.

— А если письма всё-таки надо отвезти не Соне? Может, там есть другие имена. Артём. Марина.

— Тогда сначала спросим Соню.

— А если она скажет, что не хочет ничего?

— Тогда не захотит.

— И мы просто оставим коробку у неё?

— Нет. Спросим, как она хочет.

Вера кивнула. Ей не нравилась неопределённость. Она привыкла к проектам, в которых есть смета, дедлайн, утверждённый сценарий. Даже если всё ломалось в день события, можно было хотя бы сделать вид, что план существует. Здесь плана не было. Были имена, мокрая бумага и дорога.

— Я не умею так, — сказала она.

— Как?

— Не знать, что будет в конце.

Григорий подтянул ремень.

— Никто не умеет. Просто некоторые делают вид, что знают.

— Ты тоже?

— Конечно.

Она посмотрела на него удивлённо.

— Ты умеешь это признавать?

— Не привыкай.

Вера улыбнулась. Потом стала серьёзной.

— Тогда давай запишем не план, а правила. Для нас.

— Зачем?

— Чтобы потом не сказать: «Я думала, ты понял».

Григорий помолчал. Это была фраза, которую он слышал от бывшей жены в последний год их брака. Он всегда отвечал, что люди должны говорить прямо. Но сам потом прислал документы курьером.

— Пиши, — сказал он.

Вера открыла блокнот.

— Первое: не читаем письма без необходимости.

— Второе: не звоним людям больше одного раза, если они сказали нет.

— Третье: ничего не публикуем без согласия.

— Четвёртое: не обещаем, что найдём правду.

Вера подняла ручку.

— А что обещаем?

Григорий посмотрел на дорогу.

— Что довезём то, за что взялись. И не бросим посреди трассы.

Она записала, потом подчеркнула последнюю строчку.

— Это уже про автобус или про людей?

— Про крепления.

— Конечно.

Они вернулись в кабину. Коробка стояла ровно, ремень был затянут, карта лежала в бардачке. Ничего не стало яснее. Но теперь у них было несколько правил, и это было больше, чем у них было утром.

Глава 3. Адреса, которые не хотят отвечать

К вечеру дождь перестал быть дождём и стал мелкой стеклянной пылью, которая летела в лобовое стекло и тут же исчезала. Григорий вёл молча. Вера сидела рядом с коробкой, пристёгнутой ремнём, и смотрела на открытку, найденную между фотографиями. На ней был нарисован кремль, не слишком похожий на настоящий, и выцветший номер телефона, написанный синими чернилами.

— Это не адрес, — сказал Григорий, заметив её взгляд.

— Это способ спросить.

— Это телефон двадцатилетней давности.

— Но он может работать.

— Может не работать.

— Ты уже это говорил.

— Потому что это важно.

Вера положила открытку на колени.

— Я не хочу искать Соню как в квесте. Я хочу понять, есть ли кому отдать коробку.

Григорий смотрел на дорогу. Он не любил, когда люди объясняли свои намерения красивыми словами. Намерения проверяются тем, что человек делает, когда ему говорят «нет».

— Один звонок, — сказал он. — На громкой связи. Если человек скажет не трогать — не трогаем.

Вера повернулась к нему.

— Это ты разрешил?

— Это я решил не спорить с телефоном всю ночь.

Она достала мобильный, но не набрала номер сразу.

— Ты хочешь знать, кому я звоню?

— Я вижу открытку.

— Это не ответ.

Григорий чуть сильнее сжал руль.

— Да. Хочу.

— Хорошо. Тогда я набираю номер с открытки Люси. И если ответит не Соня, я не буду спрашивать лишнего.

— Что считается лишним?

Вера подумала.

— Всё, что человек не предложил сам.

Он кивнул. Это было разумнее, чем он ожидал.

Телефон гудел долго. Шум дороги заполнил кабину. На пятом гудке Вера уже хотела закончить звонок, когда ответил женский голос, пожилой и настороженный.

— Алло?

Вера выпрямилась.

— Здравствуйте. Простите, что беспокою. Мы нашли старые письма в автобусе «Ласточка». Там есть этот номер. Вы знали Люсю?

Пауза была не просто длинной. В ней кто-то принимал решение, которое не хотел принимать.

— Кто спрашивает? — наконец сказала женщина.

— Меня зовут Вера. Я сейчас в дороге, автобус везут на разбор.

— Не надо, — быстро сказала женщина. — Не трогайте это.

Вера посмотрела на Григория.

— Я не хочу причинять...

— Не трогайте. Ничего не ищите. Вы не знаете, что там было.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Связь оборвалась.

Вера держала телефон у уха ещё несколько секунд. Потом положила его экраном вниз.

— Ты был прав, — сказала она.

— Я не рад.

— А всё равно поедem к следующему адресу?

Григорий не ответил. Вера не улыбалась. Она действительно ждала, как он поступит после собственного правила.

— Там будет заправка, — сказал он.

— Это не ответ.

— Это маршрут.

Она медленно кивнула.

На заправке у Твери было ярко, как в операционной. Белые лампы отражались в мокром асфальте. Григорий заливал топливо, проверял давление в колёсах и считал в голове километры. Вера не выходила из кабины. Он уже почти закончил, когда заметил, что она сидит в салоне «Ласточки».

Григорий выругался про себя и пошёл к автобусу.

Дверь была приоткрыта. Внутри пахло старой тканью, сыростью и чем-то сладким, давно выветрившимся. Вера стояла у заднего ряда, подсвечивая фонариком стену.

— Я сказал не выходить без меня.

— Я знаю. Прости.

— Не «прости». Почему?

Она повернулась к нему. В её руках был не телефон, а маленький пластмассовый фонарик, который нашла в кармане сиденья.

— Я услышала, как внутри что-то шуршит. Подумала, что ветер.

— И решила проверить одна?

— Решила, что если я только сижу и жду разрешения на всё, то зачем вообще ехала?

Григорий хотел сказать, что ехала она ради ролика. Но вспомнил, как она попросила не оставлять её без разговора. Он оглядел салон. На стенах под слоем грязи действительно что-то проступало.

— Фонарик сюда, — сказал он.

Они вместе увидели детские рисунки. Кто-то нарисовал синий автобус на фоне моря. В углу неровными буквами было написано: «БАБА ЛЮСЯ ВЕЗЁТ НАС ДОМОЙ». Рядом — солнце с глазами и красный воздушный шар.

Вера не сказала ничего сразу. Потом очень тихо произнесла:

— Она возила детей.

— Похоже на то.

— Ты всё ещё скажешь, что это просто аренда?

Григорий присел у стены. Под рисунком была тонкая линия, похожая на номер или адрес. Он провёл пальцем по пыли и прочёл: «Волгоград. Саид. Ремонт всего». Буквы были выведены детской рукой, но рядом стояла взрослая стрелка.

— Это уже адрес, — сказал он.

Вера подняла на него глаза.

— Можно сфотографировать только надпись? Для того чтобы не ошибиться.

Григорий посмотрел на рисунок. На ней не было лица, имени или чужого письма. Только автобус, море и след, который сам оставили для того, чтобы его нашли.

— Только надпись. И без публикации.

— Без публикации.

Она сделала один снимок, показала экран Григорию и убрала телефон. Он заметил, что ей стоило усилия не снять весь салон. Это усилие он уважал больше, чем её обычные уверенные слова.

У двери стоял мальчик лет восьми в шапке с помпоном. Он смотрел на них, держа стакан какао.

— Это ваш автобус? — спросил он.

— Нет, — сказала Вера.

— Тогда почему вы в нём?

Григорий ответил раньше:

— Проверяем, чтобы никого не придавило на дороге.

Мальчик подумал.

— А он далеко едет?

— В Астрахань.

— Там море?

— Река, — сказал Григорий.

Мальчик кивнул, будто это было почти то же самое, и убежал к матери.

Вера смотрела ему вслед.

— Детям проще с маршрутом.

— Детям проще спросить.

— А взрослым?

— Взрослые сначала делают вид, что уже знают ответ.

Она улыбнулась.

— Это ты сейчас про себя?

— Это я сейчас про людей.

— По отдельности и недолго?

Он не улыбнулся, но почувствовал, что хотел бы. Это было непривычно.

Они вернулись в кабину. Вера положила телефон в чехол и застегнула молнию.

— Волгоград дальше по дороге, — сказала она.

— Я знаю карту.

— Я не про карту. Я про Саида.

— Десять минут, — сказал Григорий.

— У тебя все важные решения на десять минут.

— Потому что через десять минут обычно понятно, надо ли ехать дальше.

— А если не понятно?

Он посмотрел на коробку между ними.

— Тогда едем осторожно.

Ночью они остановились у мотеля, где над входом мигала вывеска «СОН». Администраторша выдала им один ключ и сказала, что второй номер заняли дорожники.

— Две кровати, — добавила она. — Не детский сад.

— Два номера, — сказал Григорий.

— Один свободный.

Вера посмотрела на него.

— Я могу спать на полу. Я вела свадьбу в деревне, где жених упал в колодец, а гости три часа пели, чтобы его не забыли.

— Я сплю в кабине.

— Там холодно.

— Там тихо.

Она забрала ключ.

— Тогда я буду шуметь очень аккуратно.

Григорий всё-таки вошёл в номер, но сел в кресло в куртке. Вера устроилась на кровати и достала открытки, не трогая писем. Несколько минут они слышали только трубы в стене и далёкий шум грузовиков.

— Ты правда не любишь людей? — спросила она.

— Я говорил: люблю по отдельности.

— А почему недолго?

Он посмотрел в окно. На парковке стоял эвакуатор, а за ним темнела «Ласточка».

— Потому что у людей всегда есть то, что они не говорят. А потом оказывается, что ты должен был понять сам.

Вера медленно сложила открытку.

— Может, они не говорят, потому что не знают, можно ли.

— Можно спросить.

— Ты спрашиваешь?

Он не ответил. Она не стала добивать вопрос. Это было лучше, чем ответ.

Перед сном Вера сказала:

— Завтра я не полезу в автобус без тебя.

— Это не просьба о разрешении?

— Нет. Это я говорю, что заметила границу.

Григорий кивнул. Потом достал из кармана ключи от «Ласточки» и положил их на стол между ними.

— Завтра поедем в Волгоград. На десять минут.

Вера посмотрела на ключи, но не взяла.

— Договорились.

За окном ветер стукнул по кузову автобуса. Григорий прислушался, потом понял, что это всего лишь ветка. Он не встал проверять. Не потому, что перестал бояться поломок. Просто впервые рядом был человек, который тоже слышал этот звук.

Утром Вера проснулась раньше него. Григорий спал в кресле, наклонив голову к плечу, словно даже во сне пытался не занять слишком много места. На столе лежали ключи от «Ласточки», карта и пустой стакан из-под чая. Вера смотрела на них и думала о женщине, которая сказала: «Не трогайте это».

Раньше отказ подстегнул бы её. Она привыкла к тому, что хороший ведущий умеет найти дверь, которая откроется, если сказать правильную фразу. Но этот голос не оставил ей фразы. Только границу.

Она открыла блокнот и написала: «Отказ — тоже ответ». Потом зачеркнула слово «тоже». Оно звучало так, будто отказ был чем-то второстепенным по сравнению с согласием. Она написала заново: «Отказ — ответ».

— Ты разговариваешь с бумагой? — спросил Григорий, не открывая глаз.

— Бумага не перебивает.

— Она ещё хуже. Потом всё помнит.

Вера закрыла блокнот.

— Ты жалеешь, что разрешил позвонить?

Он сел ровнее, потёр ладонью лицо.

— Нет. Теперь знаем, что один человек не хочет, чтобы мы лезли.

— А это важно?

— Да.

— Почему?

— Потому что раньше мы этого не знали.

Вера посмотрела на него. Ответ был простой, но не холодный. Он говорил о границе так, будто она была частью карты: не стена, которую нужно обойти, а место, где нужно остановиться, чтобы не въехать в чужой двор.

— А Саид? — спросила она. — Мы к нему всё равно едем?

— Он оставил адрес в автобусе. Это не то же самое, что случайный номер на открытке.

— Ты решил, что это приглашение?

— Я решил, что можно проверить. И если он скажет нет, развернёмся.

Вера кивнула. Ей хотелось спросить, почему тогда Соню нельзя было проверить так же. Но поняла, что в обоих случаях разница была не в праве искать, а в том, что делать после ответа.

На парковке она увидела женщину из соседнего номера. Та курила у машины и смотрела на «Ласточку».

— Вы артистов возите? — спросила женщина.

— Раньше возили, — ответила Вера.

— Жалко. Мой муж играл на баяне. Никому не нужен был, пока не умер. Потом все вспомнили, какой талант.

Вера почувствовала знакомый толчок: спросить имя, записать, найти фотографию. Но женщина не просила стать частью истории. Она просто докуривала сигарету в холодном утре.

— Наверное, вам его не хватает, — сказала Вера.

Женщина пожала плечами.

— Иногда. Больше мне не хватает, что он не мыл посуду. Злиться было проще.

Она села в машину и уехала. Вера осталась с этой фразой, которая не требовала ни кадра, ни объяснения.

Когда Григорий завёл эвакуатор, Вера не включила музыку. Дорога до Волгограда тянулась ровно и долго. В какой-то момент он сам сказал:

— Можешь поставить тихо.

Она посмотрела на него.

— Ты уверен?

— Нет. Но попробуем.

Вера включила старую инструментальную мелодию без слов. Григорий не выключил её. За ними «Ласточка» ехала на тропе, а впереди медленно появлялось название города, написанное на синем дорожном щите. На этот раз они не торопились назвать это знаком. Это был просто адрес, к которому они могли доехать.

На подъезде к Волгограду Григорий увидел на обочине старый автобус без колёс. Он стоял за забором мастерской, заросший бурьяном, с выбитыми окнами. Вера тоже его заметила.

— Видишь? — спросила она. — Похож.

— Не похож. У того крыша другая.

— Но тоже кто-то куда-то возил.

Григорий сбавил скорость. Возле автобуса возился мужчина в синей спецовке. Григорий хотел проехать мимо, но Вера не сказала ни слова. Это было важнее просьбы: она оставляла решение за ним.

Он включил поворотник.

— Пять минут, — сказал он.

— Не десять?

— Пять. Не делай из этого событие.

Мужчина у забора оказался сторожем. Он не знал Люсю, но сказал, что в девяностые по области ездили десятки клубных автобусов.

— После закрытия домов культуры всё пошло на металл, — сказал он. — Люди думали, что железо не помнит. А оно только ржавеет медленнее, чем люди забывают.

Вера услышала фразу и инстинктивно потянулась к телефону. Потом остановилась.

— Можно я запишу это в блокнот? — спросила она.

Сторож посмотрел на неё.

— Записывай. Только имя моё не надо. Я здесь ни при чём.

— Хорошо.

Она записала: «Сторож у старого автобуса: железо ржавеет медленнее, чем люди забывают». Потом показала запись Григорию, как делала теперь с любыми чужими словами.

— Нормально?

— Напиши, что это его слова, — сказал он.

— Уже написала.

Сторож посмотрел на «Ласточку» на тротуаре.

— Эту тоже на разбор?

— Пока везём, — ответил Григорий.

— Пока — хорошее слово, — заметил мужчина. — У него нет претензии на вечность.

Григорий ничего не сказал. Он не любил, когда незнакомые люди попадали в точку случайной фразой. Но по дороге обратно к трассе он думал именно о слове «пока». За два дня оно стало значить больше, чем срок в накладной.

В кабине Вера аккуратно положила блокнот в чехол от микрофона.

— Пять минут закончились, — сказала она.

— Вижу.

— Ты сам остановился.

— Вижу.

— Просто фиксирую факт.

Он посмотрел на неё. Вера улыбалась, но не пыталась сделать его лучше, чем он был.

— Фиксируй тише, — сказал он.

— Постараюсь.

И они поехали дальше. Волгоград поднимался впереди рекламными щитами, мостами и дымом над заводами. Где-то среди этого города жил человек по имени Саид, которого они не знали. Григорий не называл это поиском. Но он больше не ехал так, будто любой поворот был ошибкой.

Вечером в гостинице Вера открыла ноутбук. На экране лежали короткие видео с утра: ржавая надпись на автобусе, трасса в сером свете, её рука с кофе, пустая обочина. В папке был файл с названием «ДОРОГА С ИСТОРИЕЙ». Так просил заказчик.

Григорий увидел экран, когда проходил к чайнику.

— Уже монтируешь?

— Смотрю, что есть.

— И что есть?

Вера закрыла ноутбук наполовину.

— Красивые кадры. И ни одного, который я могу честно назвать своим.

— Дорога твоя не была?

— Дорога — да. Но автобус не мой. Письма не мои. Люся не моя. Даже ты не мой.

— Это точно.

— Спасибо за поддержку.

Григорий налил чай.

— Я не сказал, что нельзя делать ролик.

— А если я сделаю, люди начнут писать: «Найдите семью», «Раскройте тайну», «Как трогательно». И я буду смотреть на это, зная, что для Сони это не тайна. Это двадцать лет, в которых она была одна.

Он поставил чайник.

— Тогда не выкладывай.

— А заказчик?

— Скажешь, что материал не готов.

Вера посмотрела на него.

— Ты так легко говоришь. За это могут не заплатить.

— За работу платят, когда она сделана.

— Иногда работа — не делать то, за что платят.

Григорий кивнул. Он не любил это выражение, но понял смысл. В ней происходило что-то похожее на его собственный конфликт с договором: правила, которые раньше давали опору, вдруг становились способом сделать чужое удобным.

Вера открыла папку с видео и переименовала её: «НЕ ПУБЛИКОВАТЬ». Потом выключила ноутбук.

— Глупо? — спросила она.

— Нет.

— Ты даже не спросишь, как я верну деньги?

— Спросишь, если захочешь считать.

— А ты умеешь считать?

— Я водитель эвакуатора. Я считаю всё, что может закончиться раньше дороги.

Вера улыбнулась. Потом достала из блокнота список правил, который они написали у дорожного магазина.

— Добавим пятое? — спросила она.

— Какое?

— Если история принадлежит не нам, не делаем из неё рекламу, пока не спросим.

Григорий подумал. Формулировка была длинной. Но он кивнул.

— Напиши короче.

— Как?

— «Сначала спроси».

Вера написала эти два слова и поставила дату. Это не делало её прошлую работу другой. Не возвращало деньги Алёне и Роману, не исправляло закрытую дверь уборной. Но правило было не наказанием. Оно было способом не сделать ту же ошибку завтра.

За стеной кто-то включил телевизор, в коридоре хлопнула дверь. Григорий взял ключи от эвакуатора и положил их на стол между ними.

— Утром едем к Саиду, — сказал он.

— Мы уже у Саида были.

Он нахмурился.

— Тогда к Астрахани.

— Да.

— Путаю дни.

Вера посмотрела на него мягко.

— Потому что остановок стало больше.

— Потому что ты их считаешь.

— А ты разрешаешь.

Григорий не ответил. Но ключи остались на столе, рядом с блокнотом. Это было почти как совместный план.

Глава 4. Второй тайник

Волгоград встретил их солнцем, от которого пыль во дворе автомастерской стала почти золотой. На вывеске над воротами было написано: «САИД. РЕМОНТ ВСЕГО, ЧТО ЕЩЁ НЕ УМЕРЛО». Буквы выцвели, но слово «ВСЕГО» Саид когда-то обвёл красной краской, и оно всё ещё держалось.

Григорий поставил эвакуатор так, чтобы «Ласточка» не перекрывала проезд. Он делал это автоматически: даже старый автобус не должен был мешать тем, кто ещё мог ехать сам.

Вера выскочила из кабины раньше, чем он успел поставить ручник.

— Десять минут, — напомнил он.

— Я помню. Я даже поставила таймер.

— Не ставь. Я сам знаю.

— Тогда зачем сказал?

Он не ответил. Из ворот вышел мужчина лет сорока в рабочем комбинезоне, с гаечным ключом в руке и маслом на щеке. Он посмотрел на «Ласточку», потом на Григория, потом на Веру.

— Кто из вас загнал «Ласточку» в могилу? — спросил он.

— Она ещё живая, — сказала Вера.

— Тогда хуже. Живые автобусы всегда требуют объяснений.

Григорий достал фотографию Люси.

— Знаешь её?

Саид взял снимок. Его лицо не стало печальным. Оно стало внимательным, как у человека, который услышал знакомый звук из другой комнаты.

— Знал. Она мне однажды свадьбу испортила.

Вера моргнула.

— Как?

— Сказала жениху, что он танцует, как сломанный холодильник. Он обиделся и ушёл. Потом вернулся. Правду уважать надо.

— Это была моя работа, — сказала Вера почти шёпотом. — Не сравнивай свадьбы.

Саид посмотрел на неё.

— Ты ведущая?

— Иногда.

— Тогда тебе тоже полезно знать: самая страшная работа — заставлять людей веселиться, когда они уже передумали.

Григорий кашлянул.

— Мы нашли под полом коробку. На стене внутри адрес: «Саид. Ремонт всего».

Саид подошёл к автобусу. Он провёл ладонью по синей краске, словно проверял не ржавчину, а температуру человека.

— Люся не прятала вещи от воров, — сказал он. — От воров она кричала. Она прятала от тех, кто считал, что память должна лежать там, где её не видно.

— Что ещё она прятала? — спросила Вера.

— Если бы я знал, давно бы вытащил.

Он попросил открыть салон. Григорий достал ключ из кармана, но не вставил сразу.

— Нам нужно только посмотреть. Не ломать.

Саид усмехнулся.

— Ты тоже ведущий?

— Нет.

— Тогда что ты всё время объясняешь правила?

Григорий не ответил. Он открыл дверь.

Внутри Саид сразу прошёл к старому радиоприёмнику над водительским местом. Снял панель одним движением, будто делал это вчера. Вера светила телефоном, но держала его экраном вниз, чтобы камера не включилась случайно.

— Тут, — сказал Саид.

За панелью лежала кассета в пластиковом футляре и тяжёлый ключ с биркой: «КЛУБ. ПОДВАЛ».

Вера задержала дыхание.

— Есть магнитофон?

— Есть, — ответил Саид. — Он слышал больше семейных тайн, чем имам и психолог вместе.

В его мастерской старый магнитофон стоял на полке между коробкой с болтами и радиоприёмником без крышки. Саид продул кассету, вставил её внутрь и нажал кнопку. Сначала пошёл шорох, потом звук большого зала: скрип стульев, кашель, чей-то голос, который пытался говорить тихо, но не умел.

— Если вы пришли за деньгами клуба, скажите это в лицо, — прозвучал женский голос. Молодой, резкий, живой. — Я не буду подписывать, что потратила их на себя.

Вера сжала край стола.

Другой голос что-то ответил, но слова тонули в помехах.

— Моя дочь не будет отвечать за ваши бумаги, — сказала Люся на записи.

Кассета щёлкнула и замолчала.

В мастерской стало слышно, как снаружи капает вода из шланга.

— Это не семейная ссора, — сказала Вера.

Григорий смотрел на кассету.

— Это двадцатилетняя запись. Она может быть чем угодно.

— Да, — ответила Вера. — Но её спрятали в автобусе, который мы везём на металл.

Саид поднял ключ.

— Подвал старого Дома культуры в Астрахани. Люся работала там перед тем, как исчезла.

— Астрахань в конце заказа, — сказал Григорий.

Вера повернулась к нему.

— Значит, всё честно. Мы ничего не меняем.

Он посмотрел на неё долго.

— Ты уже изменила мне три дня.

— Я только ехала рядом.

— Иногда этого достаточно.

Саид отвёл взгляд, делая вид, что ищет отвёртку. Вера не улыбнулась. Она поняла, что Григорий не шутит, и от этого ей стало одновременно легче и тревожнее.

Вечером она вышла к Волге с телефоном. На набережной гуляли люди, кто-то продавал кукурузу, дети гоняли самокат между скамейками. Вера поставила телефон на перила, включила запись и начала говорить тем голосом, который обычно появлялся у неё сам: гладким, тёплым, готовым сделать любую трещину частью красивого сюжета.

— Иногда вещь едет не туда, куда её отправили...

Она остановилась.

На экране отражалась «Ласточка» на фоне воды, маленькая и смешная на огромной трассе жизни. Вера знала, как снять этот кадр. Знала, какую музыку поставить. Знала, как люди напишут: «Какая история!» И вдруг представила Соню, которая ещё не знала, что её имя произнесли на обочине чужие люди.

Она выключила запись.

Григорий стоял рядом, меняя ремень на тросе.

— Можно тебя снять? — спросила Вера.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не направление.

— А кто?

Он затянул гайку.

— Водитель.

Вера опустила телефон.

— Это тоже можно записать?

— Если не выкладывать.

— В блокнот можно?

Он пожал плечами.

— Блокнот не кричит.

Вера села на парапет и открыла тетрадь. Она написала: «Он говорит “водитель”, когда боится сказать “человек”». Потом перечеркнула слово «боится». Оно было её догадкой, а не его словами.

Телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось: «Мама». Вера смотрела на имя так долго, что звонок почти закончился.

— Не хочешь — не бери, — сказал Григорий.

— Я хочу. Просто не знаю, что спросить.

— Тогда не спрашивай всё сразу.

Она нажала на ответ.

— Мам, ты работала у Люси в передвижном клубе?

Долгая пауза.

— Где ты? — спросила мать.

— На дороге. С её автобусом.

— Вернись. Это не твоя история.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— На фотографии я стою рядом. Значит, немного моя.

Мать тяжело выдохнула.

— Люся не была хорошим человеком, Вера.

— А ты?

На том конце провода никто не ответил сразу. Потом мать сказала тихо:

— Я испугалась. Вот и всё.

— Чего?

— Что если не уйду, ты тоже будешь жить с чужим стыдом.

Вера смотрела на реку, которая текла мимо города, никого не спрашивая, хочет ли он вспоминать.

— А если ты ушла, я с чем живу?

Она закончила звонок. Не бросила телефон, не заплакала. Просто села на край эвакуаторной платформы и положила ладони между коленями.

Григорий не сказал «всё будет хорошо». Он сел рядом на расстоянии, которое оставляло ей выбор.

— Хочешь остановиться? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

Вера повернула к нему лицо.

— Это твой способ сказать, что ты остаёшься?

Григорий посмотрел на «Ласточку». В салоне темнели пустые окна.

— Это мой способ не уехать, пока ты не готова.

Вера кивнула. Они сидели молча, пока набережная не начала пустеть. Потом Саид вынес им два стакана чая и сказал:

— Утром уезжайте. Если останетесь ещё на ночь, автобус потребует новый карбюратор из чувства ревности.

Григорий поднялся.

— Он на буксире.

— Железо не знает этого, — ответил Саид.

Вера взяла ключ от подвала, который Саид положил ей в ладонь.

— Это чужое, — сказала она.

— Тогда отдашь тому, кому оно принадлежит, — сказал Саид. — Но сначала доедь.

На рассвете Григорий снова закрепил коробку с письмами. Вера села в кабину без камеры. «Ласточка» двинулась за ними в сторону Астрахани, и Григорий впервые не поправил себя, когда подумал: они едут не только потому, что так написано в договоре.

Перед отъездом Саид задержал их у ворот. Он держал в руках маленький бумажный пакет.

— Возьмите, — сказал он и протянул его Вере.

Внутри лежали две старые кассеты в прозрачных коробках. На одной было написано: «ДЕТИ. НОВЫЙ ГОД», на другой — «НЕ ВКЛЮЧАТЬ ПРИ МУЖЕ».

Вера подняла брови.

— Это тоже Люся?

— Люся любила хранить записи у всех, кто умел не выбрасывать. Эти не про фонд. Там песни и объявления. Может, ничего важного. А может, просто люди, которые когда-то были живыми и шумными.

Григорий посмотрел на кассеты.

— Зачем отдаёшь нам?

Саид пожал плечами.

— Потому что вы всё равно едете. И потому что я видел, как девушка спрашивает разрешение, прежде чем трогать чужую фотографию. Редкость.

Вера хотела возразить, что она не всегда так делает. Но сказала только:

— Мы не будем слушать без Сони.

— Правильно, — ответил Саид. — Не потому, что кассеты святы. Потому что вы не знаете, кто на них.

Он повернулся к Григорию.

— А ты не делай вид, что ты просто водитель. Люся ненавидела людей, которые прятались за должностью. Говорила: «Если ты несёшь чай, не думай, что ты не слышишь разговор».

Григорий нахмурился.

— Я не прячусь.

— Конечно, — сказал Саид. — Ты просто всегда сидишь в кабине, когда в салоне начинается жизнь.

Вера замерла. Саид улыбнулся, но без насмешки. Он сказал это не для того, чтобы уколоть, а потому, что помнил Люсю и не считал молчание безопасной привычкой.

После отъезда несколько километров они ехали без слов. Потом Вера достала телефон.

— У меня есть черновик ролика, — сказала она. — Я сняла автобус у набережной. Без людей. Могу выложить: «Ищем родственников Люси, передвижной клуб, девяностые». Может, кто-то отзовётся.

Григорий не сразу ответил.

— А если отзовётся тот, кому не надо отзываться?

— Тогда я удалю.

— Уже увидят.

— Я могу закрыть комментарии. Могу не указывать города. Могу спросить Саида.

— Ты всё время ищешь способ сделать это безопасным после того, как решила сделать. Вера опустила телефон.

— А ты всё время ищешь способ ничего не делать до тех пор, пока безопасность не станет идеальной.

Он посмотрел на неё. Это было неприятно, потому что в её словах была доля правды.

— Чего ты хочешь от ролика? — спросил он.

Вера подумала.

— Чтобы Соня не осталась последним человеком, который узнаёт, что её прошлое снова появилось на дороге.

— Тогда сначала найдём Соню.

— А если адрес старый?

— Тогда решим после.

Вера кивнула. Она выключила экран и положила телефон в чехол.

— Хорошо. Сегодня ничего не выкладываю.

Григорий взглянул на неё.

— Это не потому, что я приказал?

— Нет. Потому что я спросила себя, зачем.

Он вернул взгляд на дорогу. Ему хотелось сказать, что это хорошее правило. Но он сказал иначе:

— Саид прав. Кассеты не слушаем без Сони.

Вера чуть улыбнулась.

— Ты сейчас согласился со мной?

— Не привыкай.

Она рассмеялась — тихо, без камеры. За ними «Ласточка» покачивалась на тресе, а в бардачке лежали кассеты, которым тоже предстояло дожидаться человека, имеющего право нажать кнопку.

На окраине Волгограда Вера попросила остановиться у маленькой аптеки. Ей не нужны были лекарства, но ей нужно было несколько минут не смотреть ни на автобус, ни на карту. Григорий не стал спрашивать, почему. Он припарковался у тротуара и остался за рулём.

Вера вернулась с бутылкой воды и пачкой пластырей.

— Аптечка же есть, — сказал он.

— Есть. Это не для аптечки.

Она села, открыла воду, но не пила.

— Мама всегда носила пластыри в сумке, — сказала она. — Даже когда у неё не было денег на нормальную еду. Говорила, что порезы нельзя оставлять просто так, они потом цепляются за всё.

Григорий ждал.

— Я раньше думала, это смешно. Теперь думаю, может, она так умела заботиться, когда не умела говорить.

— Это не делает всё остальное хорошим.

— Я знаю. Но мне не хочется делать из неё только трусиху. Это было бы слишком удобно.

Григорий посмотрел на неё.

— Удобно — когда можно выбрать одного виноватого и дальше не смотреть.

Вера кивнула. Она открыла пачку пластырей, достала один и приклеила на порез на пальце, который получила, когда трогала ржавую панель в автобусе. Григорий заметил кровь раньше, чем она сама.

— Дай руку.

— Я сама.

— Я не отбираю.

Она протянула ладонь. Он разгладил пластырь осторожно, но без лишней нежности. Его пальцы пахли металлом и мылом.

— Вот, — сказал он. — Теперь не цепляется.

Вера посмотрела на палец.

— Ты правда думаешь, что всё можно починить так?

— Нет. Но порез — можно.

Она улыбнулась.

— Очень профессионально.

— Я водитель, не философ.

— А Саид сказал, что ты прячешься за должностью.

Григорий завёл двигатель.

— Саид любит говорить лишнее.

— Но ты его услышал.

Он не ответил. Машина тронулась, и Вера не стала добиваться ответа. Впереди лежала дорога на Астрахань, а в ней — место, где Марина когда-то решила уйти. Вера не знала, сможет ли пройти по этому месту иначе. Но теперь она хотя бы не называла собственный страх любопытством.

В полдень мать написала: «Не ищи Соню через меня. Я не имею права снова решать, когда ей слышать моё имя».

Вера прочла сообщение дважды. Потом показала Григорию.

— Это честно? — спросила она.

Он не взял телефон, только прочёл из её рук.

— Не знаю. Но похоже, она впервые не прячется за тем, что ей лучше видно.

— Она всё равно ничего не говорит.

— Говорит, что не будет решать за Соню. Это уже что-то.

Вера хотела спорить. «Что-то» было слишком маленьким словом для двадцати лет молчания. Но в её собственной жизни тоже только вчера появилось первое «попробую», и она не хотела обесценить малое только потому, что ждала большего.

Она написала матери: «Я не буду просить адрес через тебя. Мы найдём сами. Если Соня захочет говорить с тобой, это будет её решение». Долго смотрела на текст, потом отправила.

Ответ пришёл почти сразу: «Спасибо».

Вера почувствовала злость. Ей не хотелось, чтобы мать благодарила её за то, что она просто не повторяет ту же ошибку. Но потом подумала: возможно, Марина не знала, как просить о другом. Возможно, у неё был только этот маленький язык — благодарность вместо признания.

— Хочешь ответить? — спросил Григорий.

— Нет. Пока нет.

— Хорошо.

Он не стал спрашивать, правильно ли она делает. Он просто включил поворотник, когда дорога раздваивалась. Один указатель вёл к трассе, другой — к старой смотровой площадке над рекой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.